

Бесплатных обедов на свете не бывает. Интересно, как там его товарищи по команде?

— В чем заключается тайна этого инстанса?

Тайна Призрачного представления — в чем она? И что ты вообще за существо? Но спрашивать об этом было нельзя, поэтому он выбрал вопрос, максимально близкий к текущей ситуации, чтобы извлечь из него наибольшую выгоду.

— Хм, дай-ка подумаю... Пожалуй, это Всеобщее искупление.

Гу Шэньцин не ожидал, что этот голос ответит ему всерьез.

В этот момент раздался едва слышный сигнал Системы.

Гу Шэньцин не стал отвечать голосу, а открыл системный интерфейс.

Мистическая вилла

Выжить три дня [Основное задание]

Процент выполнения: 65%

Отыграть роль заблудшего агнца [Дополнительное задание]

Процент выполнения: завершено

Скрытая улика [Степень раскрытия 100%, шкала прогресса доступна всем участникам]

Награда за улику: продвижение времени в инстансе

Получена улика Всеобщее искупление (нельзя разглашать другим), дополнительно активирована скрытая награда (доступна только одному игроку)

Автоматически получена награда: Глиняный горшок, стихотворение в свободной форме (Системная подсказка: улика такого-то инстанса)

Желаете открыть и просмотреть?

Гу Шэньцин помедлил. Эта скрытая награда на данном этапе была бесполезна. Он мысленно нажал нет и не стал ничего открывать.

В конце концов, лучше сосредоточиться на чем-то одном, нельзя гнаться за двумя зайцами сразу.

Этот лже-Бог действительно оказался Золотоволосым Дэвидом. Он не ожидал, что даже после

устранения противника задание персонажа не будет засчитано как проваленное. Похоже, этот механизм оценки стоит изучить подробнее, размышлял Гу Шэньцин.

— Спасибо тебе. Нужно ли мне что-то сделать для тебя?

Прогресс задания вырос, а значит, подсказка, данная этим истинным Богом, была верной. Раньше он провел множество анализов, но из-за отсутствия доказательств Система не фиксировала прогресс. Теперь же, получив прямое подтверждение от него, он продвинулся больше чем наполовину.

— Я хочу, чтобы ты вырвал все виноградные лозы на кресте и сжег их.

Гу Шэньцин опешил: разве на том сияющем золотом кресте были виноградные лозы?

Он повернул голову и к своему изумлению обнаружил, что крест густо оплетен черными древесными лианами, из-за чего золотое сияние почти не пробивалось наружу. Еще секунду назад все было иначе.

Успеет ли он сейчас сказать, что просто проявил вежливость?

— Хорошо, — Гу Шэньцин сохранил на лице улыбку, словно был несказанно рад.

Молот исчез сразу после того, как он разбил лже-Бога. Похоже, в этот сон можно было принести только то, что было при тебе. Поскольку он намеренно не стал снимать обувь и переодеваться перед сном, то появился в сновидении в полном облачении, но трость, оставленная у кровати, в руках не оказалась.

Трость не последовала за ним в сон, зато в кармане он припрятал перочинный нож.

Гу Шэньцин поднялся по ступеням и обнаружил, что крест довольно высокий — лишь встав на цыпочки, он смог дотянуться до виноградных лоз.

Голос в храме усмехнулся, в нем проскользнули магнетические нотки.

Гу Шэньцин разозлился, подошел к небольшому столику сбоку, смахнул на пол заплесневелые подношения и, подхватив столик одной рукой, швырнул его прямо под крест.

Взобравшись на него, он изо всех сил потянулся вверх и принялся кромсать ножом тонкие лозы.

Мелкая древесная труха посыпалась вниз. Гу Шэньцин часто заморгал, в уголках глаз

скопились слезы, похожие на прозрачные жемчужины.

— Может, мне самому это сделать?

Мог бы и раньше, чего тянул? Гу Шэньцин сдержался и промолчал.

Однако хозяин голоса так и не появился, а лозы на кресте никуда не делись. Гу Шэньцин стоял посреди пустого храма, не понимая, что происходит.

— Я подарю тебе кое-что, она поможет тебе справиться.

Голос звучал торопливо.

В следующую секунду в руке у Гу Шэньцина возник значок с белой камелией. Четкие линии, рельефный узор, яркие лепестки, на которых поблескивали капли росы.

Значок вспыхнул, и в воздухе внезапно возник изящный женский силуэт. Она была в длинном платье из тонкого кружева, на плечи накинута индийская шаль — ничего вызывающе роскошного. Ее нос отливал розовым, а глаза были чистыми, как у лани.

— Ты...? — Гу Шэньцин выразил свое недоумение максимально ясно.

Женщина не обратила на него внимания, лишь слегка подняла правую руку и указала кончиком пальца на виноградные лозы — те мгновенно вспыхнули. Воздух наполнился запахом гари.

Пламя бушевало, а секунду спустя она исчезла из виду. За все время она не проронила ни слова, но Гу Шэньцин успел заметить, как значок снова мигнул.

Она что, спряталась обратно?

— Это мне? — спросил Гу Шэньцин, обращаясь к пустому храму.

Он знал: если тот человек его слышит, то ответит. Но в храме царила тишина — казалось, он ушел.

Гу Шэньцин подбросил значок в руку: в сущности, неплохо — разыграл спектакль и получил артефакт. Этот голос сам навязывает мне читы, что нас связывает? Гу Шэньцин невольно задумался.

Он открыл Систему и обнаружил название: Месть Маргариты.

М-да, звучит не очень обнадеживающе.

Но в голове некстати всплыли глаза той женщины — чистые, полные печали, словно скрывающие тысячи дум.

Гу: Неужели это та самая Дама с камелиями из книги? В ней живет обида? Безответная любовь или... ненависть к обществу того времени?

Значок не отреагировал.

Гу Шэньцин мысленно представил, как покидает это место, и в следующую секунду почувствовал порыв ветра. Открыв глаза, он обнаружил, что уже вернулся в комнату, а в руке по-прежнему сжимает белый значок.

Всеобщее искупление, белая камелия, Маргарита. Интересно. Неужели этот инстанс изучает преступление и наказание? Поощряет людей совершать грехи, чтобы потом, встав на позицию Бога, карать и судить их?

До его прихода здесь бесследно исчезло более пятнадцати тысяч человек. Этот инстанс, эта нечеловеческая сила, несомненно, будет расти. Что же ему делать? Каждая жизнь имеет значение.

Гу Шэньцин потряс головой, отгоняя лишние мысли, и, даже не взяв трость, поспешил выйти из комнаты, чтобы найти остальных.

Трость? Объект для спектакля мертв, зачем теперь притворяться?

Сначала он направился к Старика Ли, жившему в соседней комнате. Тот, как и ожидалось, был цел и невредим.

— Ха-ха-ха! Он спрашивает, чего я хочу, а я ему прямо говорю: хочу твою мать! Он аж онемел, — хохотал старик. — Спрашивает почему, а я ему: да я, старый хрен, вообще всех баб на свете люблю! Со мной играть — кишка у него тонка!

Несмотря на юмор Старика Ли, у Гу Шэньцина не было времени болтать — нужно было найти того простака, Цзянь-гэ.

— Цзянь-гэ, ты в порядке? — в голосе Гу Шэньцина проскользнула тревога. Хотя интеллект Цзянь-гэ часто оставлял желать лучшего, он все же был его товарищем по команде.

— Я в порядке, я не ем сливы, — деревянно ответил Цзянь-гэ.

— ?? Отвечает так быстро, значит, в норме, — подумал Гу Шэньцин.

— Что с тобой было во сне? — вовремя спросил Старик Ли.

— Мне снились красотки в топах, танцующие вокруг, и все мне глазки строили. Одна, главная танцовщица, была очень богатой и хотела меня содержать. Едва встретились, она тут же отдала мне свой золотой кулон. Я думал пожеманиться для вида, а потом согласиться, но вдруг эта красотка загорелась! Огонь был такой яростный, сжег ее с головы до пят... Я впервые видел, как человек умирает прямо на моих глазах...

Гу Шэньцин смутился: — Это я поджег. Чтобы выбраться из сна.

— Охренеть... — Цзянь-гэ не стал расспрашивать дальше, явно еще не придя в себя.

Гу Шэньцин продолжил обходить комнаты. На самом деле, если бы они не боялись нарушить правила, спали бы в одной комнате.

— Слушай, спасибо тебе, — смущенно пробормотал Цзянь-гэ. — Хоть я во сне и забыл сделать так, как ты сказал, спасибо за тот огонь, я смог выбраться.

Гу Шэньцин вежливо ответил: — Не за что, я догадывался, что ты не сможешь удержаться.

Цзянь-гэ не нашелся что ответить.

— У всех вас ампула противоположны обычным, а твое остается неизменным, из него трудно выйти, так что винить тебя не в чем.

Старику Ли и остальным Гу Шэньцин лишь строго напомнил: нужно не только следовать ампула, но и нарушать его. А с Цзянь-гэ он мог только отделываться общими фразами и готовиться к тому, чтобы спасти его в случае чего.

— Мы не пойдем стучаться к тому иностранцу? — спросил Цзянь-гэ.

Все проснулись, все в безопасности, кроме того золотоволосого мужчины.

— Не нужно. Он мертв.

— А? Как так?

— Гу Шэньцин, откуда ты знаешь? Ты что, убил его?! — Цзянь-гэ подскочил на месте.

— Та красotka с золотым кулоном, которую ты видел во сне, — это он, — спокойно пояснил Гу Шэньцин.

Когда он разбил лже-Бога молотом, тот рассыпался на светящиеся частицы, но не умер окончательно. По-настоящему он погиб лишь тогда, когда Маргарита, появившаяся из значка, сожгла виноградные лозы. Так что истинная причина его смерти — огонь.

— Твою мать, а с виду и не скажешь, что он такой извращенец! — Цзянь-гэ хлопнул себя по бедру так, что чуть не подавился слюной.

— Эй, эй! — Гуань Ваньсяо брезгливо посмотрела на него. — Соблюдай гигиену.

— Кхе-кхе, извиняюсь, — Цзянь-гэ внезапно покраснел.

— Вы заметили, что обои в коридоре пожелтели? — вдруг спросила Тётушка Цзе. Выйдя из комнаты, она постоянно наблюдала за окружением, чувствуя, что что-то не так.

— Это продвижение времени. Я случайно активировал скрытую улику, и после прохождения сна степень ее раскрытия достигла ста процентов. Награда — продвижение времени в инстансе.

О дополнительной награде он умолчал — объяснять пришлось бы слишком много. Остальные тоже открыли Систему и заметили новую строчку: информация о скрытой улике раскрыта полностью.

— Не знаю, зачем это нужно, но, вероятно... это позволит нам увидеть то, что произошло в прошлом? — Гу Шэньцин объяснял это с таким спокойным видом, словно говорил о хорошей погоде.

— В прошлом? Значит, мы видим прошлое, а не будущее? — Гуань Ваньсяо была в замешательстве. Обои отслаивались, выглядело это как обычное старение.

— Будущее не раскроет правды, только прошлое. Смотрите, обои отпали, а на стене следы гари. Здесь когда-то был сильный пожар. А потом его искусственно замаскировали. Можно сказать, что это и будущее — прогресс выживания в течение трех дней достиг 70%. Думаю, через день мы сможем выбраться.

Гу Шэньцин заметил, что, когда все собрались вместе, прогресс задания вырос еще на 5%.

— За два дня выполнить задание на три дня, вот это мощь! — пробормотал Цзянь-гэ.

— Выберемся — угощу тебя выпивкой! Никакие богачки не важны, поедем с тобой шашлыков,

а потом я пойду... — Цзянь-гэ хлопнул Гу Шэньцина по плечу.

Трое пожилых людей промолчали, их лица были мрачными.

— Хорошо, — Гу Шэньцин улыбнулся, сощулив свои красивые глаза.

Он знал, что это невозможно. Иначе как объяснить исчезновение тех пятнадцати тысяч человек? Его город был в числе лидеров по количеству пропавших, это уже дошло до верхов, в их отделении даже создали специальную группу для расследования. Только он сам, криминальный профайлер, готовившийся к экзаменам в магистратуру, не ожидал стать одним из пропавших. Жаль, что он не успел вступить в спецгруппу до того, как попал сюда, иначе информации было бы больше.

— Мне кажется, я слышу плач! — Гуань Ваньсяо потерла покрывшуюся мурашками кожу на руках и задрожала.

Свет в коридоре внезапно потускнел, весь проход погрузился в желтоватый полумрак. На стенах все отчетливее проступали следы огня — черные пятна на белом фоне. Издалека донесся пронзительный, пугающий женский крик.

— Там! — Гу Шэньцин указал на конец коридора. Комната, из которой раздавался плач, находилась на этом же этаже.

Он направился туда, но Старик Ли схватил его за рукав: — Куда так спешишь? Жить надоело? Возьми это! — он сунул Гу Шэньцину в руку разноцветный камень. — Это может заблокировать одну атаку, — старик отвел взгляд.

— Спасибо. Я сейчас проверю, а вы не бродите без дела. Если встречу опасность — сразу отступлю. Если услышите что-то нехорошее — уходите.

— Хорошо, — никто не стал спорить.

Гу Шэньцин, сжимая в одной руке камень, а в другой нож, тихо прокрался вперед. Уходя, он краем уха слышал, как Цзянь-гэ спрашивает остальных: — Слушайте, а Гу-гэ разве не слепой? Как он...

Только сейчас дошло? И правда, дурак. Гу Шэньцин с трудом сдержал улыбку.

Дверь в комнату была заперта. Подумав, он достал значок и попытался вскрыть замок булавкой. Он не верил, что это сработает, но в инстансе возможно всё. Значок слабо мигнул, и дверь отворилась.

Гу Шэньцин осторожно вошел. Комната была разделена ширмой, из-за которой доносились истошные женские крики. Резкий белый свет, пробивавшийся сквозь плотную ткань, делал остальную часть комнаты очень темной. Он подошел и приподнял край ширмы. Материал был на удивление мягким, приятнее лучшего шелка. Гу Шэньцину это напомнило кожу женщины.

Внутри стоял операционный стол. Женщина рожала, потому и кричала так отчаянно. Конечности ее были прикованы железными полосами, она лежала на столе, как агнец в ожидании забоя. Невидимые руки в воздухе вспарывали ей живот.

Гу Шэньцин отчетливо слышал, как скальпель рассекает нежную кожу... будто ножом по свинине, шурша... кровь брызнула во все стороны. Но женщина, казалось, не чувствовала боли, ее крики становились всё тише, пока не затихли совсем.

Гу Шэньцин нахмурился. Он впервые видел роды, да еще и без участия врачей. Что ему делать? Закрыть глаза этой умирающей?

Пока он стоял в замешательстве, женщина внезапно повернула голову и уставилась на него: — Это ты! Это ты убил нашего ребенка! Как ты мог быть таким бессердечным! Это же наше дитя! — ее рыдания были такими пронзительными, словно она хотела вырвать собственное сердце.

Гу Шэньцин с нежностью в глазах ответил: — Ты же знаешь, наш ребенок родился с врожденными дефектами. Если бы я не извлек его раньше и не помешал в питательную среду, он бы вырос калекой, над которым все смеялись бы, и его психика была бы сломлена. Чтобы он мог развиваться нормально, я и устроил эту операцию. Не бойся, ты и он — мои сокровища, я позабочусь о вас обоих.

— ...

— Ты врешь! Ты врешь! — женщина пришла в себя, ее лицо исказилось в безумии.

Она, едва дышавшая мгновение назад, стала необычайно активной — рывком приняла вертикальное положение. Разрез на животе еще не был зашит, Гу Шэньцин видел лишь мешанину пикселей и ее бледную до синевы кожу. Черные, как водоросли, волосы клочьями падали на плечи, губы кривились в жуткой улыбке — совсем не похоже на мать, потерявшую ребенка.

— Госпожа Берта Мейсон, посмотрите внимательно: я не ваш муж. Я офицер полиции, прибывший по приказу на виллу для расследования дела о гибели женщины и ребенка на чердаке. Согласно предварительным данным, погибшая — Берта Мейсон, дочь владельца плантации на Вест-Индийских островах. Высокая, смуглая кожа. Смерть в результате падения с высоты, на теле нет следов насилия, предварительная причина — самоубийство.

Гу Шэньцин не сводил глаз с Берты Мейсон: — По заключению судебно-медицинской экспертизы, погибшая успела родить ребенка до своей смерти. Мы нашли труп младенца в

колыбели на чердаке.

Женщина с неестественно бледной кожей засуетилась, ее руки, похожие на деревянные палки, беспорядочно дергались: — Нет, нет, мой малыш не умер! Не умер... Это не я его погубила! Не я! — она зарыдала, слезы застилали ей глаза.

— Действительно, не ты. Он умер еще до рождения, он был нежизнеспособен, — каждое слово Гу Шэньцина падало на ее сердце тяжелым камнем. — Судмедэксперты определяют, умер ли младенец до родов, опуская кусочек легкого в воду. Если легкое тонет — значит, оно не вдыхало воздух и является плотным. Он умер до рождения, твоей вины нет.

— Я... но я все равно не смогла его защитить...

Гу Шэньцин окончательно убедился в своей правоте. Сопоставив детали, при виде этой женщины он сразу вспомнил безумную жену из Джейн Эйр. Поэтому он прощупывал почву, следя за каждой микроэмоцией, предугадывая её реакции.

— Скажите, тот, кто убил вашего ребенка, был золотоволосым мужчиной с голубыми глазами, называвшим себя Дэвидом? Наша полиция уже поймала преступника и предала его сожжению.

Гу Шэньцин не зря притворился полицейским: в процессе разговора значок с белой камелией превратился в небольшое удостоверение, и он не мог ошибиться в этом знакомом ощущении! Он высоко поднял документ, на котором сиял священным светом полицейский значок.

Неужели это тот голос помогает ему? Неужели он знает что-то о его личности или о тайне Призрачного представления? Иначе как объяснить столь своевременную помощь?

— Да, это был он... офицер... у-у-у... сожжение — это правильно, сожгите его! Этот негодяй! — женщина вдруг опустилась на колени, закрыв лицо руками: — Дитя мое, я виновата перед тобой... — ее лицо было искажено ужасом, но когда ненависть прошла, в глазах осталась лишь нежность, глубокая, как океан. — Офицер, спасибо, что избавили меня от этого груза. Вы можете забрать картину на чердаке, вернете послезавтра.

— ...Спасибо. — На самом деле ему не очень-то хотелось забирать эту картину с пуповиной.

Эх, хорошо, что он изучал анатомию, иначе не смог бы так убедительно запугивать призраков. Впрочем, судя по тому, как изменилось отношение призрака, этот инстанс, возможно, уже сформировал полноценную картину мира, и у каждого призрака здесь свой характер... Словно они отделились от страниц книг и из-за разных обстоятельств обрели собственные личности...